

«СЛОЖИВШАЯСЯ ПРАВОВАЯ СИСТЕМА УНИЧТОЖАЕТ ЭКОНОМИКУ РОССИИ»

БИЗНЕС В РОССИИ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ СТАЛ ДОВОЛЬНО РИСКОВЫМ ЗАНЯТИЕМ. О НЕОБХОДИМОСТИ РЕФОРМЫ СУДЕЙСКОГО КОРПУСА И О ТОМ, ПОЧЕМУ ПРАКТИЧЕСКИ КАЖДЫЙ КОММЕРСАНТ МОЖЕТ ПОПАСТЬ ПОД СЛЕДСТВИЕ И ОЧУТИТЬСЯ В СИЗО, КОРРЕСПОНДЕНТУ ВЪГ АЛЕНЕ ШЕРЕМЕТЬЕВОЙ РАССКАЗАЛ ЕГОР НОСКОВ, УПРАВЛЯЮЩИЙ ПАРТНЕР «ДЮВЕРНУА ЛИГАЛ».

BUSINESS GUIDE: Несколько лет ведутся разговоры о необходимости реформы судебного корпуса. Вы согласны с тем, что назрела необходимость перемен?

ЕГОР НОСКОВ: Состояние российского правосудия при наличии стройной системы судов имеет полную аналогию с тем, что существовало в России до 1864 года. Несмотря на то, что в Российской империи полностью отсутствовали демократические институты, при наличии только воли императора Александра II в 1864 году прошла самая значительная за последние 300 лет судебная реформа, которая сделала российское правосудие одним из передовых в мире. Появился суд присяжных, который в современной России существует в вечно зачаточном состоянии и не имеет возможности развиваться. Суд присяжных склонен оправдывать подсудимых, и это не вписывается в существующую чудовищную статистику, когда обвинительными являются 99,7% приговоров.

В 1847 году сенатор Кастор Лебедев писал, что «человек, узнавший российское правосудие, может заболеть и помешаться, так оно отвратительно дурно». Но в 1864 году все изменилось, и выяснилось, что абсолютная власть монарха не является помехой для расцвета юридической мысли. Самодержавие не мешало судьям выносить решения, противоречащие представлениям императора о добре и зле. Сто лет спустя мы имеем крайне зарегулированную судебную систему, которая, по сути, является копией судебной системы СССР. Согласно статистике, основное количество судебных решений по уголовным делам просто копирует обвинительное заключение прокуратуры. В результате у нас менее 0,5% оправдательных приговоров.

ВГ: Какую проблему судебного корпуса вы бы назвали основной?

Е. Н.: Главная проблема судебного корпуса, на мой взгляд, кроется в существующем принципе назначения судей. Основной контингент судей в судах общей юрисдикции — это бывшие судебные секретари или сотрудники следственных органов и прокуратуры. Совершенно естественно, что мировоззрение бывшего сотрудника следственных органов или прокуратуры не будет способствовать принятию либеральных решений в отношении тех же бизнесменов, которых они по определению считают паразитами общества. Иными словами, нам необходимо изменить принцип назначения судей, но для этого необходима политическая воля. В дореволюционной России это произошло спустя всего три года после отмены крепостного права, по сути — рабства. При этом появилось и значительное количество просвещенных судей, таких, например, как А. Ф. Кони, возникла плея-

ЕГОР НОСКОВ

да блестящих судебных ораторов — российских адвокатов, которые даже 150 лет спустя на слуху. И если в России 1864 года нашлось достаточное количество высокообразованных людей, чтобы изменить всю систему правосудия, то удивительно, почему такого же результата невозможно достичь 25 лет спустя после распада Советского Союза.

ВГ: Доверяет ли, на ваш взгляд, общество российскому правосудию?

Е. Н.: Было бы лицемерием утверждать, что доверяет. Большое количество судебных решений последних лет представляется несправедливым и необоснованным, так как зачастую решения были продиктованы сиюминутными политическими задачами. Активная часть общества понимает, что при неблагоприятном развитии событий человек непременно окажется в СИЗО, где не сможет себя защитить. Поэтому граждане предпочитают либо не заниматься активными видами деятельности, либо просто покидают страну. У нас колоссальное количество арестов в виде содержания под стражей в процессе предварительного следствия. Несмотря на то, что Уголовно-процессуальным кодексом предусмотрены и залог, и домашний арест, и подписка о невыезде, сейчас основная масса лиц, обвиняемых не в общественно опасных деяниях, оправляется в СИЗО.

ВГ: Какие тенденции вы наблюдаете сейчас на рынке юридических услуг?

Е. Н.: Если говорить о доходах, то сейчас юридическому рынку не на что жаловаться. Что бы ни происходило в стране и в мире, для человека неизменно важны вопросы сохранения здоровья и собствен-

ности. В этом плане можно проводить аналогию между профессиями врача и юриста. Если спросить врача, чем ему было бы приятнее заниматься при условии равной оплаты: проводить экстренную или спасать жизнь пациентов, то наверняка врач сделал бы выбор в пользу спасения жизни. С юристами аналогичная ситуация. Но сейчас российские юристы в основном проводят экстренную операцию: занимаются банкротствами, бракоразводными делами, сопровождением уголовных дел бизнесменов.

ВГ: Громкие преследования чиновников и топ-менеджеров крупных компаний в последние годы стали обыденной составляющей повестки дня. Чувствуете ли увеличение интереса к этой практике?

Е. Н.: Количество обращений по поводу защиты по экономическим составам преступления растет с каждым годом. Если раньше основной пласт работы занимало сопровождение сделок по инвестиционным проектам, то сегодня юридические фирмы открывают новые практики по направлению white collar crime, доходы от которых уже в разы превышают доход от сопровождения сделок. И «Дювернуа Лигал» — не исключение. Мы создали адвокатское бюро, которое занимается уголовно-правовой защитой, и оно более чем загружено, а объем работ растет минимум на 50% ежегодно. Наш офис в Лондоне специализируется исключительно на том, что выступает как административный офис для российских клиентов, которые покинули страну и обвиняются в России по экономическим составам преступлений. В существующей правовой реальности уголовное право подминает под себя

все остальные отрасли. Конфликты, по существу, представляющие собой гражданско-правовой спор, по которым еще десять лет назад было бы немисливо возбуждение уголовного дела, сегодня переходят в уголовно-правовую плоскость.

ВГ: Каковы, на ваш взгляд, причины такой трансформации споров?

Е. Н.: Человек склонен исполнить свои обязательства гораздо быстрее, если его посадить в СИЗО, арестовать все его имущество и возбудить против него уголовное дело. И этим инструментом стали широко пользоваться как государственные структуры, так и сами предприниматели. Если в 1990-е годы для быстрого решения конфликтов бизнесмены «забивали друг другу стрелки», то в современной России гораздо эффективнее писать заявления о возбуждении уголовного дела.

ВГ: Наверное, это происходит из-за того, что под статью «мошенничество» можно подвести все что угодно?

Е. Н.: Это воистину «резиновая» статья. Ведь в действительности мошенничество — это хищение имущества путем введения в заблуждение. Без конкретизации, какого именно заблуждения и какого вида хищения. Поэтому под данную статью подходит как сделка по приобретению зарубежных акций, которая оказалась следствием несправедливой, так и обман цыганами граждан путем продажи им фальшивых ювелирных изделий. В результате адвокаты занимаются юридической казуистикой, и уголовные дела закрываются зачастую, не благодаря оправдательным приговорам, а по нереабилитирующим основаниям.

ВГ: Как коммерсантам обезопасить свой бизнес? Или в случае чего поможет только заграница?

Е. Н.: Многие бизнесмены легкомысленно относятся к этому вопросу, считая, что их связи помогут избежать уголовного преследования. Но практика показывает, что даже высокий уровень дохода и связей может не помочь. Необходимо понимать, что по любому уголовному делу все имущество может быть моментально арестовано судом или объявлено вещественным доказательством постановлением следователя. Огромное количество примеров, когда по уголовному делу на 3 млн рублей арестовывают имущество на 500 млн рублей, и этот арест не снимается до тех пор, пока не будет решения суда, которое в 99,7% будет обвинительным.

Защититься от царящего произвола практически невозможно, поэтому коммерсанты идут по пути бизнес-эмиграции. Сложившаяся система фактически уничтожает экономику России, и этот процесс возможно остановить только последовательным приложением политической воли, которой, к сожалению, пока не наблюдается. ■